

К вопросу об антицерковных процессах
Московского революционного трибунала 1918–1920-х гг.
(дело священника Михаила Сахарова)

Вадим В. Никонов

*Гжельский государственный университет, Москва, Россия,
nikonova-box2009@yandex.ru*

Аннотация. В статье на примере дела Московского губернского революционного трибунала в отношении настоятеля Георгиевского храма села Ванилово Ашитковской волости Бронницкого уезда Московской губернии отца Михаила Сахарова рассматриваются механизмы репрессивной антицерковной государственной политики советской власти, начавшей свое формирование сразу после Октябрьской революции. Основанием дела стал инцидент с избиением Бронницкого уездного комиссара просвещения, пожелавшего разъяснить местным жителям суть Декрета об отделении Церкви от государства. Несмотря на то что материалы дела неопровержимо свидетельствовали о непричастности священника к случившемуся, он был осужден вместе с участниками избиения как инициатор происшедшего насилия. В статье подчеркивается политическая ангажированность обвинения и его прямая связь с провозглашенным в сентябре 1918 г. декретом «О красном терроре». Последнее, в числе прочего, подтверждается тем, что следственные действия по делу начались не сразу после избиения комиссара в феврале 1918 г., а лишь в октябре. Отмечается также характерная для ряда дел Московского революционного трибунала практика постепенного смягчения первоначально суровых приговоров вплоть до полной амнистии осужденных.

Ключевые слова: антицерковная политика, Бронницкий уезд, Ванилово, Московский революционный трибунал, Православная Российская Церковь, священник Михаил Сахаров

Для цитирования: Никонов В.В. К вопросу об антицерковных процессах Московского революционного трибунала 1918–1920-х гг. (дело священника Михаила Сахарова) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 2. С. 90–98. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-90-98

On the issue of the anti-church trials
of the Moscow Revolutionary Tribunal of the 1918–1920s
(the case of priest Mikhail Sakharov)

Vadim V. Nikonov
Gzhel State University, Moscow, Russia,
nikonova-box2009@yandex.ru

Abstract. The article considers the mechanisms of the repressive anti-church state policy of the Soviet government, which began its formation immediately after the October Revolution, using the case example of the Moscow Provincial Revolutionary Tribunal of 1918 against the rector of the St. George Church of the village of Vanilovo in the Ashitkov parish of the Bronnitsky district of the Moscow province, Father Mikhail Sakharov. The case was based on the incident with the beating of the Bronnitsky district Commissioner of Education, who wished to explain to residents the essence of the decree on the separation of Church and state. Even though the case materials incontrovertibly testified that the priest was not involved in the incident, he was convicted together with the participants of the beating as the initiator of the violence that occurred. The article emphasizes the political bias of the prosecution and its direct connection with the decree “On the Red Terror” proclaimed in September 1918. The latter, among other things, is confirmed by the fact that investigative actions in the case did not begin immediately after the beating of the commissioner in February 1918, but only in October. It is also noted that the practice characteristic of several cases of the Moscow Revolutionary Tribunal is the gradual mitigation of initially harsh sentences up to a full amnesty of convicts.

Keywords: anti-church policy, Bronnitsky district, Vanilovo, Moscow Revolutionary Tribunal, Orthodox Russian Church, priest Mikhail Sakharov

For citation: Nikonov, V.V. (2022) “On the issue of the anti-church trials of the Moscow Revolutionary Tribunal of the 1918–1920s (the case of priest Mikhail Sakharov)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International relations” Series*, no. 2, pp. 90–98, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-90-98

Введение

Положение Церкви в РСФСР впервые было определено Декретом об отделении Церкви от государства 1918 г. Но еще до утверждения официального текста декрета, его проект, опубликованный 31 декабря 1917 г. в газете «Дело народа», не остался без внимания со стороны Церкви. После появления его в печати митрополит

Петроградский Вениамин (Казанский) обратился в Совнарком с письмом, в котором призывал не претворять его в жизнь. Действия это не возымело [Бовкало 2004, с. 617–623].

После опубликования вступившего в силу декрета настоятелям храмов было вменено в обязанность довести его содержание до сведения прихожан [Каиль 2021, с. 74–86]. В некоторых приходах Московской губернии декрет был воспринят верующими как посягательство на свободу вероисповедания и создание условий для лишения Церкви имущества, что привело к недовольству действиями новой власти и, как следствие, – к возбуждению дел в Московском революционном трибунале. Следует отметить, что такое понимание репрессивной сущности декрета в дальнейшем полностью оправдалось [Никонов 2022, с. 105–118].

Дело священника Михаила Сахарова

Характерный инцидент произошел в селе Ванилове Бронницкого уезда. Суть дела, как она изложена в заключении следователя, состояла в том, что настоятель ваниловского храма отец Михаил Сахаров, зачитав 11 февраля 1918 г. прихожанам текст Декрета об отделении Церкви от государства, якобы трактовал его статьи таким образом, что это вызвало негодование среди верующих. На следующий день в приходской деревне Левычино собрался крестьянский сход, на котором выступил комиссар из Бронниц В.И. Попов. Он сделал попытку разъяснить смысл декрета, что было принято собранием враждебно. Комиссару не дали договорить, набросились на него и подвергли побоям, «едва не лишив жизни». Несмотря на то, что избивавшие Попова были известны поименно, первым и главным обвиняемым стал священник Михаил Сахаров, так как, по мнению следствия, именно он и был основным виновником произошедшего, и в деле

...усматривалась несомненная связь между разъяснением священником Сахаровым декрета отделения церкви от государства, возбуждившим население против Советской власти, и избиением Комиссара Попова как проводника этого декрета¹.

¹ Заключение по делу по обвинению священника Сахарова в провокационных действиях и подстрекательстве к избиению т. Попова. 1918 г. // ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 300-в. Л. 86, 86 об.

На этом основании и сам священник, и избившие комиссара крестьяне были осуждены Московским революционным трибуналом на длительные (по меркам 1918 г.) сроки заключения.

Об отце Михаиле известно, что родился он в 1868 г., окончил Московскую духовную семинарию, священствовал с 1891 г., а в Ванилово был определен в 1900 г. Помимо церковного служения он состоял заведующим и законоучителем в местных церковно-приходской и земской школах. Чтобы прокормить семейство, священник держал хозяйство, многое умел делать своими руками. По рассказу дочери, «батюшка был готов людям и печи класть ради прокормления, но считал это неудобным для священника» [Суслов, Фролов 2014, с. 376]. Таким образом, отец Михаил был вполне типичным сельским священником, долго служившим на одном месте и, несомненно, хорошо знакомым с прихожанами, а учитывая его солидный возраст, трудно предположить в нем человека, склонного к безответственным и импульсивным поступкам.

Примечательно, что с момента инцидента с избиванием комиссара и до того, как делу решили дать ход, прошло несколько месяцев. Только 14 августа 1918 г. из Московского революционного трибунала было направлено предписание обеспечить явку в местную «Бронницкую следственную комиссию для допроса по делу об избивании Тов. Попова лиц, поименованных в прилагаемом списке»². Таким образом, до этого времени избившие комиссара крестьяне и священник Михаил Сахаров не просто находились на свободе, но, возможно, даже не задумывались о грозившей им беде.

В сентябре начались допросы, в результате которых выяснилось, что дело было начато по доносу психически больной женщины, бывшей учительницы, уволенной по причине профнепригодности из ваниловской школы, которая пожаловалась в уездный совдеп на якобы имевшие место притеснения со стороны сослуживцев. По ее письму в Ашитковскую волость и приехал комиссар Попов, чтобы разобраться в ситуации на месте. Накануне его приезда отец Михаил действительно ознакомил прихожан с содержанием Декрета об отделении Церкви от государства, просто прочитав его текст по публикации в газете «Утро России». Никаких комментариев по поводу прочитанного он не делал, следовательно, все обвинения в том, что он своей трактовкой текста декрета возбудил в прихожанах погромные настроения, были совершенно беспочвенны. На следующий день состоялся сход местных жителей для решения

² Список лиц по делу избивании тов. Попова Ашитковской волости Бронницкого уезда // ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 300-в. Л. 26.

внутренних вопросов, связанных с деятельностью местного потребительского союза. На этот сход и явился комиссар Попов, который решил использовать собрание для разъяснения норм декрета. Из допросов свидетелей и обвиняемых с очевидностью следует, что появление Попова было для собравшихся неожиданностью, и вопросов о декрете ему никто не задавал. Попытки комиссара привлечь внимание крестьян к вопросам, не имевшим отношения к цели собрания, вызвали закономерное недовольство, и когда стало понятно, что он не собирается останавливаться, его попросту поколотили.

Сначала на происшедшее внимания не обратили, но через полгода (вскоре после провозглашения декрета «О красном терроре») [Леонов 2021, с. 60–79] делу решили дать политическую подоплеку, что и привело его участников на скамью подсудимых Московского губернского революционного трибунала. Напомним, что в качестве принципа, которым должны были руководствоваться члены революционных трибуналов при вынесении приговоров, провозглашалось следующее: «Меру наказания Революционный трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятельствами дела и велениями революционной совести»³.

Судебное заседание проходило в два этапа: 10 и 11 декабря 1918 г. Хотя протоколы обоих заседаний в деле сохранились, но производят они довольно странное впечатление, так как в них практически отсутствуют показания свидетелей, выступления защитника и обвинителя, а также слова обвиняемых. Приговор оказался суровым:

...приговорить священника Сахарова Михаила Дмитриевича к принудительным общественным работам сроком на пять лет, граждан... к принудительным общественным работам сроком на три года⁴.

Через некоторое время, когда осужденные уже находились в тюрьме, была составлена кассационная жалоба, но Обвинительная коллегия не сочла ни один из доводов, приводимых в ней, убедитель-

³ Инструкция Народного комиссариата юстиции о порядке деятельности революционных трибуналов. 17.12.1917 г. // ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–2 об.

⁴ Приговор Московского губернского революционного трибунала по обвинению священника Михаила Сахарова и граждан села Ванилова и деревни Левычино в противодействии проведения в жизнь Декрета Совета народных комиссаров об отделении Церкви от государства. 1918 г. // Там же. Оп. 1. Д. 300-в. Л. 3.

тельным для пересмотра решения трибунала⁵. Отметим, что, отказывая в жалобе, Кассационный отдел апеллировал к фактически неограниченным правам трибунала и к революционной совести его членов, что выразительно характеризует состояние отечественной судебной системы в 1919 г.

С февраля по май 1919 г. продолжалась переписка между представителями осужденных и Московским революционным трибуналом, но ни к какому изменению в положении отца Михаила и его «подельников» она не привела. Все это время прихожане Георгиевского храма не оставляли попыток к освобождению священника. 3 мая они составили очередное прошение в Московский губернский революционный трибунал⁶. И сам факт его составления, и его содержание являются характерным свидетельством формирующихся взаимоотношений между «массой» и властью.

Полной неожиданностью стало постановление Московского губернского революционного трибунала, принятое 20 мая 1919 г., которым отец Михаил и избившие комиссара крестьяне «на основании декрета ВЦИК от 25 апреля 1919 г. об освобождении из заключения некоторых категорий арестованных и осужденных как лиц, пребывание которых на свободе не опасно для Республики»⁷ амнистировались.

Декретом от 25 апреля 1919 г. освобождались из заключения все задержанные органами борьбы с контрреволюцией, которым не было предъявлено обвинение в непосредственном участии в заговоре против Советской власти, в подготовке или организации белогвардейских сил, а также досрочно освобождались те осужденные, освобождение которых не представляло опасности для государства [Файзуллина 2008, с. 151–157]. Не вдаваясь в причины появления такого декрета, отметим, что его формулировка, как и формулировки многих законодательных установлений рассматриваемого периода, допускала возможность различного толкования.

⁵ Определение Кассационного отдела при Всероссийском центральном исполнительном комитете Советов рабочих, красноармейских, крестьянских и казачьих депутатов по делу священника Михаила Сахаров и граждан Александра Титова и Якова Евсеева от 16 января 1919 г. // ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 300-в. Л. 4, 4 об.

⁶ Прошение граждан дер. Ванилово и Левычино Ашитковской волости Бронницкого уезда об освобождении священника Михаила Сахарова. 3 мая 1919 г. // Там же. Л. 152–153 об.

⁷ Постановление Московского губернского революционного трибунала об освобождении арестованных Сахарова М.Д. и др. 20 мая 1919 г. // Там же. Л. 2.

На первый взгляд обвинение, по которому был осужден священник Сахаров, – выступление против советской власти – вполне могло стать препятствием для распространения на него действия декрета от 25 апреля 1919 г. Но при благоприятных обстоятельствах могло и не стать. Так же неоднозначно действие упомянутого декрета в отношении лиц, избивших комиссара Попова. Неужели они, поднявшие руку на представителя власти, комиссара(!), т. е. лицо, особо охраняемое от посягательств, не представляли опасности для властей? На этот вопрос также можно ответить по-разному, но и здесь трибунал занял сторону осужденных.

Так, семимесячным заключением завершилось дело отца Михаила Сахарова, обвиненного в сопротивлении проведению в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства. Несмотря на то что все возводимые на священника обвинения были беспочвенными, власть безошибочно усмотрела в нем своего противника и предприняла жестокую попытку его устрашения. Вскоре после освобождения 52-летний священник скончался и был похоронен рядом с храмом [Суслов, Фролов 2014, с. 376].

Заключение

В заключение следует отметить, что дело священника Михаила Сахарова выразительно демонстрирует механизмы возникновения «контрреволюционных обвинений» священнослужителей в первые годы прихода большевиков к власти [Мраморнов 2011, с. 33–48]. Кроме того, рассмотренное дело подтверждает характерную практику смягчения первоначально вынесенных суровых приговоров Московским революционным трибуналом в 1918–1922 гг. Даже такие громкие процессы, закончившиеся казнью осужденных, как Московский процесс 1922 г. по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей, в конечном итоге завершались рядом последовательных сокращений сроков заключения, а затем и освобождением осужденных. Многие дела, по которым выносились смертные приговоры, как, например, «Дело объединенных приходов», также заканчивались амнистией [Никонов 2019, с. 318–350]. Анализ ряда дел Московского революционного трибунала⁸ позволяет предположить, что его функция заключалась не столько в реальном терроре в отношении населения, сколько в попытках устрашения с последующим принуждением к повиновению.

⁸ Фонды 4612 и 4613 Центрального государственного архива Московской области.

Литература

- Бовкало 2004 – Бовкало А.А. Вениамин // Православная энциклопедия. Т. 7. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. 736 с.
- Каиль 2021 – Каиль М.В. Православие в России 1914–1964 годов: Опыт изучения и общественная память в дискурсе репрессий и поиске альтернативных познавательных подходов // Новый исторический вестник. 2021. № 3. С. 74–86.
- Леонов 2021 – Леонов С.В. ВЧК и Православная Российская Церковь в 1918 г. // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История РПЦ. 2021. № 100. С. 60–79.
- Мраморнов 2011 – Мраморнов А.И. К истории антицерковной деятельности Московского революционного трибунала (1918–1920 гг.) // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2011. № 2. С. 33–48.
- Никонов 2019 – Никонов В.В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 4: Быковская волость. Гжель: ГГУ, 2019. 816 с.
- Никонов 2022 – Никонов В.В. Изъятие ценностей из храмов Московской губернии в 1922 г. в архивных документах ЦГАМО и ЦГА г. Москвы // История и архивы. 2022. № 1. С. 105–118.
- Суслов, Фролов 2014 – Суслов А.А., Фролов А.Н. Очерки истории Воскресенского края. М.: Новалис, 2014. 752 с.
- Файзуллина 2008 – Файзуллина Д.Р. История развития института освобождения от уголовной ответственности и наказания в России // Russian Journal of Economics and Law. 2008. № 2. С. 151–157.

References

- Bovkalo, A.A. (2004), “Veniamin”, *Pravoslavnaya entsiklopediya. Tom 7* [Veniamin. Orthodox Encyclopedia], vol. 7, Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnaya entsiklopediya”, Moscow, Russia.
- Faizullina, D.R. (2008), “The history of the development of the institute of exemption from criminal liability and punishment in Russia”, *Russian Journal of Economics and Law*, no. 2, pp. 151–157.
- Kail', M.V. (2021), “Orthodoxy in Russia 1914–1964: The experience of studying and public memory in the discourse of repression and the search for alternative cognitive approaches”, *The New Historical Bulletin*, no. 3, pp. 74–86.
- Leonov, S.V. (2021), “The Cheka and the Orthodox Russian Church in 1918”, *St. Tikhon's University Review, Series II, History. Russian Church History*, no. 100, pp. 60–79.
- Marmornov, A.I. (2011), “On the history of anti-church activity of the Moscow Revolutionary Tribunal (1918–1920)”, *Tserkov' i vremya. Nauchno-bogoslovskii i tserkovno-obshchestvennyi zhurnal*, no. 2, pp. 33–48.
- Nikonov, V.V. (2019), *Za Khrista preterpevshie. Tserkov' i politicheskie repressii 1920–1950-kh gg. na territorii Ramenskogo raiona Moskovskoi oblasti. T. 4: Bykovskaya*

volost' [Those who suffered for Christ. The Church and political repressions of the 1920s–1950s in the territory of the Ramenskoye district of the Moscow region. Vol. 4: Bykovskaya volost], GSU, Gzhel, Russia.

Nikonov, V.V. (2022), “The seizure of valuables from the temples of the Moscow province in 1922 in the archival documents of the TSGAMO and the Central State Administration of Moscow”, *History and Archives*, no. 1, pp. 105–118.

Suslov, A.A. and Frolov, A.N. (2014), *Ocherki istorii Voskresenskogo kraya* [Essays on the history of the Resurrection (Voskresenskii) Region], Novalis, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Вадим В. Никонов, кандидат педагогических наук, доцент, Гжельский государственный университет, Московская область, Россия; 140155, Россия, Московская область, п. Электроизолятор, д. 67; nikonova-box2009@yandex.ru

Information about the author

Vadim V. Nikonov, Cand. of Sci. (Pedagogy), associate professor, Gzhel State University, Moscow Region, Russia; bld. 67, pos. Elektroizoliator, Moscow region, Russia, 140155; nikonova-box2009@yandex.ru